

М.Е. Абдрахим Жетысуский университет имени И. Жансугурова, Талдыкорган, Казахстан
e-mail: abdrakhim_91@mail.ru**СЕМИРЕЧЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ ПОД КОЛОНИАЛЬНОЙ ВЛАСТЬЮ:
ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТЧЁТОВ К.К. ПАЛЕНА**

В данной статье рассматриваются ревизионные отчёты графа Константина Константиновича Палена, посвящённые административному управлению и становлению казахского чиновничества в Семиреченской области на рубеже XIX–XX веков. Особое внимание уделяется анализу этих документов как ценных исторических источников и одновременно как текстов, отражающих колониальную идеологию и власть Российской империи в Центральной Азии. Используя постколониальный теоретический подход, автор исследует, каким образом язык и структура отчетов Палена формировали образ «Другого», легитимизируя имперское господство и дискредитируя местные институты управления. Анализ проводится на основе концепций Эдварда Саида, Гаятри Спивак, Хоми Бхабхи и других теоретиков, что позволяет выявить неоднозначность положения казахских чиновников как посредников между колониальной властью и коренным населением.

Результаты исследования расширяют понимание механизмов колониального управления и социально-политической динамики в Семиреченской области, а также подчёркивают важность критического осмысления официальных источников для предотвращения воспроизведения колониальных стереотипов в современной историографии.

Ключевые слова: Семиреченская область, ревизионные отчёты Палена, казахское чиновничество, колониальная администрация, постколониальная теория, Российская империя.

M.Ye. Abdrakhim

Zhetysu University named after I. Zhansugurov, Taldykorgan, Kazakhstan
e-mail: abdrakhim_91@mail.ru**Semirechensk oblast under the colonial rule:
a postcolonial analysis of K.K. Pahlen's reports**

This article examines the revision reports of Count Konstantin Konstantinovich Pahlen, focusing on administrative governance and the formation of the Kazakh bureaucracy in the Semirechensk oblast at the turn of the 19th to 20th centuries. Special attention is given to analyzing these documents both as valuable historical sources and as texts reflecting the colonial ideology and power of the Russian Empire in Central Asia. Using a postcolonial theoretical approach, the author explores how the language and structure of Pahlen's reports constructed the image of the "Other," thereby legitimizing imperial domination and discrediting local governance institutions. The analysis is based on the concepts of Edward Said, Gayatri Spivak, Homi Bhabha, and other theorists, which helps reveal the ambiguous position of Kazakh officials as intermediaries between the colonial authority and the indigenous population.

The findings of the study expand the understanding of colonial governance mechanisms and the socio-political dynamics in the Semirechensk oblast, while emphasizing the importance of critically reflecting on official sources to prevent the reproduction of colonial stereotypes in contemporary historiography.

Keywords: Semirechensk oblast, Pahlen's revision reports, Kazakh officialdom, colonial administration, postcolonial theory, Russian Empire.

М.Е. Абдрахим

І. Жансүгіров атындағы Жетісу университеті, Талдықорған, Қазақстан
e-mail: abdrakhim_91@mail.ru**Отарлық билік тұсындағы Жетісу облысы:
К.К. Пален есептерін постколониалдық тұрғыдан талдау**

Мақалада XIX–XX ғасырлар тоғысындағы Жетісу облысындағы қазақ шенеуніктерінің қалыптасуы мен әкімшілік басқаруына арналған граф Константин Константинович Паленнің ревизиялық есептері қарастырылады. Ерекше назар осы құжаттарды тарихи дереккөзі ретінде ғана емес, сонымен қатар Отарлық Азиядағы Ресей империясының отарлық идеологиясы мен билігін бей-

неleitін мәтіндер ретінде талдауға аударылады. Постколониалдық теориялық тәсілді пайдалана отырып, автор Пален есептерінің тілі мен құрылымы қалай «басқалар» бейнесін қалыптастырып, империялық үстемдікті заңдастырып, жергілікті басқару институттарын кемсітетінін зерттейді. Талдау Эдвард Саид, Гаятри Спивак, Хоми Бхабха және басқа да теоретиктердің ұғымдары негізінде жүргізіліп, қазақ шенеуніктерінің колониалдық билік пен жергілікті халық арасындағы делдал ретіндегі күрделі жағдайын айқындайды.

Зерттеу нәтижелері Жетісу облысындағы отарлық басқару механизмдері мен әлеуметтік-саяси динамиканы түсінуді тереңдетіп, ресми дереккөздерді сыни тұрғыдан қарастырудың маңыздылығын атап көрсетеді, бұл қазіргі тарихи әдебиетте отарлық стереотиптердің қайта тууының алдын алуға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: Жетісу облысы, Паленнің ревизиялық есептері, қазақ шенеуніктері, отарлық әкімшілік, постколониалдық теория, Ресей империясы.

Введение

Одним из ценных источников по проблеме колониальной власти в Семиреченской области на рубеже XIX–XX веков являются отчеты графа Константина Константиновича Палена (1861–1923), который возглавил ревизию Туркестанского края Особым указом от 18 июня 1908 года. Согласно цели данной ревизии он должен был всесторонне осветить положение края на начало XX века. При этом ему было поручено подготовить материалы и отчеты по 26 пунктам, которые максимально охватывали особенности области. Данные пункты позже стали основами отдельных подробных отчетов. В результате проведенной данной ревизии в 1908–1909 гг. граф К.К. Пален опубликовал свои отчеты в виде книг. Итого в 1910 году было опубликовано 19 книг, в следующем году – 1 книга. Каждая книга включала в себе отдельные описания, данные по раздельным вопросам (Махмудова, 2019: 126).

В отчетах графа Палена были отражены некоторые вопросы становления казахского чиновничества в Семиреченской области. И эти данные выступают для нас источниками по данной проблеме. Относительно ценности данных источников можно привести следующие доводы. Во-первых, все книги сенатора К. Палена были подготовлены синхронно, почти в одно время. Во-вторых, все отчеты были составлены под единым руководством К. Палена. И, наконец, в третьих, каждый отчет является отдельным исследованием и содержит подробное описание рассматриваемого вопроса. К тому же, эти отчеты кардинально отличались от результатов предыдущих ревизий. Известно, что до К. Палена еще в 1882–1883 гг. в данном регионе была ревизия под руководством Ф.К. Гирса. Однако, его отчет составил только одну книгу и не был таким объемным и системным (Махмудова, 2019: 127).

В качестве еще одного довода относительно ценности отчетов К. Палена можно привести научные взгляды известного историка университета Оксфорда Александра Моррисона. В своем исследовании об итогах работы ревизии сенатора Палена английский ученый сравнивает деятельность двух комиссий под руководством Гирса и Палена соответственно. Он указывает на тесное сотрудничество Ф.К. Гирса с генерал-губернатором М.Г. Черняевым. Этот момент, в свою очередь, может дискредитировать деятельность «ненавистного предшественника» М. Черняева – К.П. Кауфмана. Исходя из этого, автор выразил свое недоверие к результатам ревизий Гирса, сомневаясь в объективности его проверки региона. Именно поэтому А. Моррисон добавляет: «В отличие от комиссии Гирса, ревизия К.К. Палена была действительно независима от местной администрации, и подготовленный ею многотомный отчет является фундаментальным источником для нашего понимания системы функционирования колониальной администрации в Туркестане накануне революции 1917 года» (Morrison, 2013: 48).

С другой стороны, также важно учитывать, что данные отчеты были подготовлены в рамках имперской бюрократии и несут в себе отпечаток колониального взгляда, характерного для административной элиты Российской империи. Ревизия, возглавляемая графом Паленом, не только фиксировала существующие реалии, но и служила инструментом легитимации имперской политики и контроля над местным населением. В этом контексте применение постколониальной теории становится особенно актуальным для глубокого анализа этих источников.

Постколониальная теория, разработанная такими учеными, как Эдвард Саид, Гаятри Спивак и Хоми Бхабха, предлагает рассматривать колониальные тексты и практики как не просто отражение реальности, а как пространство, где

формируются и закрепляются властные отношения через язык, дискурс и идеологию (Ashcroft, 2002: 10–25). В рамках этой теории ревизионные отчёты Палена могут рассматриваться как часть колониального дискурса, который конструирует образ казахского чиновничества и местного управления в терминах «другого», «отсталого» и «неэффективного», тем самым оправдывая необходимость имперских реформ и усиления контроля.

Используя постколониальный подход, возможно выявить, как язык и структура отчётов создавали и поддерживали иерархии власти, дискредитировали традиционные институты управления и обосновывали их замещение «цивилизованными» русскими методами. Кроме того, данный теоретический инструмент позволяет проанализировать субъективность и односторонность позиции Палена как представителя колониальной администрации, что важно для критического осмысления исторических источников и предотвращения репродукции имперских стереотипов в современном историографическом дискурсе.

Таким образом, цель настоящего исследования – интерпретировать ревизионные отчёты графа Палена не только как хронологически ценный источник, но и как текст, через который проявляется и функционирует колониальная власть. Анализ данных материалов с применением постколониальной теории позволит расширить понимание механизмов колониального управления и особенностей формирования казахского чиновничества в условиях имперского господства, а также осветить ограничения и искажения, присущие официальной административной документации того периода.

Материалы и методы

Данное исследование опирается на постколониальные теории, которые помогают лучше понять, как именно работала колониальная власть и какую роль в этом процессе играло местное население. Например, идея Эдуарда Саиды об образе «Другого» показывает, как колониальная администрация создавали негативный и упрощённый образ казахских чиновников, чтобы оправдать своё господство. Гаятри Спивак помогает осмыслить, как голоса коренного населения часто оставались незамеченными или подавленными, а их участие в управлении было сильно ограничено.

Концепция Хоми Бхабхи о «третьем пространстве» раскрывает сложность позиций казахских чиновников, которые находились на пересечении традиций и требований колониальной власти – они одновременно были частью своего народа и частью колониальной системы. Мишель Фуко даёт инструменты для понимания, как власть распространялась через символы и награды, которые поощряли определённое поведение и дисциплинировали местную элиту.

Кроме того, Франц Фанон показывает, как колониальные власти перекладывали ответственность за проблемы управления на самих казахских чиновников, обвиняя их в том, что зачастую было следствием самой колониальной системы. И наконец, понятие Майкла Пратта о «зоне контакта» помогает увидеть роль переводчиков и посредников – они были связующим звеном между колониальной администрацией и местным населением, одновременно находясь в сложном положении между двумя мирами.

В итоге такой подход даёт возможность взглянуть на административные и социальные процессы в Семиреченской области начала XX века с разных сторон и увидеть, насколько неоднозначным было положение коренного населения в колониальной системе.

Обсуждение

Изучение Семиреченской области в эпоху колониального управления Российской империи сегодня – это активно развивающееся направление в исторических исследованиях. Особое значение здесь имеют отчёты сенатора графа К.К. Палена. Эти документы не просто рассказывают о структуре колониальной администрации, но и показывают, с какими проблемами она сталкивалась, а также как строились отношения с местным населением.

По данной теме особо отмечаем работы Н.Б. Махмудовой. В своих работах она подробно разбирает, почему и как проводилась эта ревизия, а также внимательно изучает сами отчёты с точки зрения источниковедения (Махмудова, 2016). Она показывает, что ревизия Палена стала важным инструментом для централизации власти и борьбы с коррупцией (Махмудова, 2017). При этом сами отчёты не ограничиваются сухими цифрами – они содержат и оценочные суждения, что требует осторожного и вдумчивого подхода при их использовании (Махмудова, 2019).

Очень полезно смотрится и исследование Янченко Д.Г. и Андреева А.А. (Янченко, 2018), которые разбирают, как именно создавался официальный отчёт Палена – от черновиков до финального документа. Они показывают, что процесс этот был сложным и тесно связан с политическими задачами империи, которые находили отражение в тексте.

К.О. Каримова, в свою очередь, сосредотачивается на более конкретном уровне – административном устройстве Ходжентского уезда. Она показывает, что отношения между русской администрацией и местными элитами были не однозначными, а весьма многослойными, что помогло глубже понять специфику колониального управления в регионе (Каримова, 2019).

Значительный вклад в эту тему внес и зарубежный исследователь Александр Моррисон. Он изучает последствия колониальной политики для местного населения, например, переселение крестьян, которое вызывало социальные и этнические конфликты, отражённые в отчётах Палена (Morrison, 2012). Кроме того, он анализирует деятельность ревизионной комиссии Палена в Транскаспийском регионе, показывая, как она боролась с коррупцией и пыталась восстановить правопорядок (Morrison, 2013).

В итоге все эти исследования вместе дают целостное и глубокое понимание Семиреченской области под колониальной властью. Отчёты Палена рассматриваются не только как бюрократические документы, но и как отражение сложных властных отношений и колониального дискурса, формировавших образ региона и его жителей.

Результаты

Прежде всего, нужно отметить, что для более глубокого понимания особенностей колониального управления в Семиреченской области в начале XX века целесообразно разделить анализ на две взаимосвязанные, но отличающиеся по правовому статусу и уровню административного участия части: первая касается сельского управления и народных судов, а вторая – уездного, городского, областного и краевого управления. Вначале подробно рассмотрим первую часть, связанную с законодательным закреплением позиций казахов в системе сельского управления и народных судов.

«Сельское управление. Русское и туземное. Отчет по ревизии Туркестанского края, произ-

веденной по высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером графом К.К. Паленым». Данный отчет посвящен «туземному» сельскому управлению и сельскому управлению русского населения края. В ходе ревизии им было проверено 269 кочевых волостей и 205 волостей с оседлым населением (Сельское управление, 1910: 67). В данном отчёте К.К. Пален последовательно исследует несколько ключевых аспектов административного устройства. В начале работы он предоставляет историческую справку, которая позволяет понять контекст дальнейшего анализа. Далее автор подробно рассматривает законодательную базу и систему власти, действовавшую в регионе. Особое внимание уделяется описанию структуры управления и нормативных актов, регламентирующих её деятельность. В конце дает свои утверждения и предложения по рассматриваемой теме.

В основной части данного отчета хорошо отражены его наблюдения относительно местной администрации. По вопросу об управлении в казахских аулах автор отмечает высокую роль больших родов, которые стараются быть у руля власти: «Так как избрание всех лиц туземной администрации и суда производится по большинству голосов и таким же способом решаются поземельные вопросы на аульных или волостных съездах, то в волостях с киргизами разных родов всю власть захватывает та родовая группа, которая наиболее многочисленна». Далее К. Пален указывает на своевластие таких родов: «Подчиняя себе представителей как судебной, так и административной власти, она обращает меньшинство в безправных людей».

Кроме того, автор обращает внимание на то, как родовое отношение способствовало на несправедливость в казахских аулах. По этому поводу сенатор пишет следующее: «Народные судьи, управители и аульные старшины, дорожа своими должностями, как источником крупного дохода, служат послушным орудием в руках более сильного рода, которому они обязаны своим избранием, и, кроме того, считают защиту интересов своих родичей во всех правых и неправых делах священной своей обязанностью» (Сельское управление, 1910: 89).

Более того, К.К. Пален остро критикует практику выборов лиц «туземной» администрации. Он называет выборы «единственным способом добиться власти и богатства». А сами выборы состоят из подкупов, сговоров и применения «дозволенных и не дозволенных приемов». К

таким мерам автор относит «прием новых членов, выделение новых кибиток, подкупы, подлоги в посемейных списках, заочное составление доверенностей от имени отсутствующих членов общества, баранта (угон) скота, похищение женщин, запугивание и даже лишение свободы избирателей противной партии или насильное недопущение их в место, назначенное для сбора аульного съезда, наконец, ложные обвинения и фиктивные иски» (Сельское управление, 1910:98).

Пален в этих описаниях по своему формирует образ «туземца», который характеризуется как неспособный к справедливому самоуправлению, при этом подчеркивая родовую анархию и коррупцию. Данные представления соответствуют концепции «Другого» («Other»), разработанной Эдвардом Саидом в его известной работе «Ориентализм». В данной книге известный теоретик Э. Саид отмечает, что именно Запад формирует образ Востока как примитивного, иррационального и неспособного к порядку (Saïd, 1978: 2). Также особо отмечая роль произвола и коррупции среди местных чиновников К.К. Пален ставит в пример имперскую систему как образцовую. По Анни Леро, это – обычная практика нормализации колониальной иерархии, согласно которой метрополия становится неким эталоном управления (McClintock, 1995: 15–20). Описания в отчете о своевластии «больших родов» и несправедливости в местной судебной системе служат инструментом оправдания репутации имперской системы власти. Здесь, как отмечает ученый Гаятри Спивак, «колонизатор говорит за колонизированного», оправдывая свои действия и отмечая, что «местные власти не в состоянии управлять справедливо» (Spivak, 1988: 285–286).

Вопрос о материальном обеспечении представителей местной администрации в казахском обществе также не остался без внимания сенатора Палена. По его информации, волостным управителям по закону в год предусматривалось не больше 500 рублей, тогда как аульному старшине – 200 рублей в год. Писари в год получали от 200 до 240 рублей. Волостные писари, которые по сообщению автора почти не были знакомы с русским языком и знали лишь туземный язык, имели жалованье в год от 50 до 105 рублей. А джигиты-рассыльные получали в год от 100 до 150 рублей, хотя эта сумма предназначалась еще и на содержание лошади. Аульные старшины имели жалованье в год от 40 до 200 рублей, однако по сведениям Палена, в Семиреченской об-

ласти вознаграждение аульных старшин было в среднем 90 рублей (Сельское управление, 1910: 104-106).

В данном вопросе о материальном вознаграждении государственных служащих граф К.К. Пален явно выражает свое сожаление о том, что все жалования имеют небольшие размеры. Более того, необходимо также учитывать то, что некоторым чиновникам данные суммы недостаточны на наем писаря или рассыльного. Следовательно, сенатор приходит к мысли, что именно маленькие размеры вознаграждений являются основными причинами частой смены должности и отсутствия «опытных и надежных» служащих в управлении (Сельское управление, 1910: 107).

Здесь автор затронул один из важных аспектов колониального управления – экономическую политику метрополии по отношению к «туземной» администрации. Однако, несмотря на сочувствие автора отчета о низких жалованиях служащих, нетрудно здесь заметить как К.К. Пален перекладывает ответственность за административные пробелы в управлении на самих колонизированных, при этом скрывая или умалчивая роль самой империи и имперской системы власти в создании этих проблем. То есть, формально он признает материальную причину проблемы, однако тут акцент смещен на другой аспект. По его мнению, главная проблема в местной администрации – нехватка «надежных» кадров, а не сама имперская политика финансирования. Очевидно, что данные представления автора о том, что низкое качество управления из-за внутренней слабости «туземной» администрации четко соответствуют концепции «колониальной бремени вины» (Mann, 2012: 182–185). Ведь здесь, как верно отметил известный теоретик Франц Фанон, «колонизатор обвиняет колонизированного в собственных преступлениях, превращая жертву в виновного» (Fanon, 1963: 169–170).

Сенатор К. К. Пален, анализируя данные о «туземном» и русском сельском управлении и сравнивая их между собой, указывает на многочисленные недостатки каждой из этих систем. Следовательно, в конце данного отчета, в числе своих предложений, он представляет идею «соединить русские селения в административном отношении с туземными волостями, во главе этой организации поставить назначаемого правительственной властью русского волостного старшину» (Сельское управление, 1910: 199). То есть, К. Пален предлагает объединить казах-

ские и русские сельские управления и в качестве старшины назначить русского волостного управителя. Согласно этой идее, существующая система «туземной» администрации потеряла бы еще одно звено управления, а именно низовое, где казахам были даны права быть избранными.

С позиции постколониального дискурса данная инициатива Палена ярко демонстрирует классический прием колониализма, когда «вмешательство» империи предстает как «неизбежный» и в то же время «более рациональный» ход. Данная идея могла лишить местное население права быть услышанными. Ведь, как отмечает Гаятри Спивак, «когда голос подчинённых фильтруется через авторитет колонизатора, он перестаёт быть их собственным голосом» (Spivak, 1988: 285–286). К тому же, предложение Палена о слиянии казахских волостей с русскими селениями и поставить во главе русского волостного старшину в действительности означало не объединение, а инкорпорацию – именно включение местного населения под стандарты империи. Это соответствует идее Хоми Бхабха об амбивалентности колониального дискурса, когда «колонизатор обещает гармонию и унификацию, но унификация всегда строится на условиях метрополии» (Bhabha, 1994: 122–125).

«Народные суды. Русское и туземное. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером графом К.К. Паленым». В данном отчете автор по традиции сначала дает историческую справку о системе судопроизводства в Казахской степи, затем приводит описания деятельности народных судей – биев, которые были введены во II половине XIX века. В отчете сразу в глаза бросается тот факт, что автор называет народных судей «ставленниками» главарей крупных родовых групп, последние которые через них осуществляли свои «корыстные стремления, эксплуатируя в свою пользу чуждую по роду часть населения». Потому что, по замечанию автора отчета, они вместе достигали нужных результатов во время производства выборов лиц «туземной» администрации, используя при этом такие методы как сговор, фальсификация, подкуп и взяточничество. Он отмечает, что «таким образом, назначение народного суда от правлять правосудие по обычаям, на основах патриархального быта выродилось в лицепрятное служение со стороны судей хищническим инстинктам партийных главарей и угнетение народных масс» (Народные суды, 1910: 42).

Фрагмент отчёта Палена о деятельности биев во второй половине XIX в. демонстрирует характерный для колониальной риторики приём дискредитации местных институтов. Подобная характеристика полностью укладывается в ориенталистскую модель описания «Другого», о которой писал Э. Саид: колониальная власть создаёт упрощённый, негативный образ местных практик, чтобы оправдать внешнее вмешательство (Said, 1978: 1–5). Народный суд в отчёте представлен как выродившийся и обслуживающий «хищнические инстинкты партийных главарей». Это соответствует наблюдению Ф. Фанона, что колониальная администрация систематически демонстрировала «моральную несостоятельность» традиционных институтов, чтобы легитимизировать их замену правовыми формами метрополии (Fanon, 1963: 152–155). Обвинения в сговоре, фальсификации и подкупе на выборах «туземной» администрации создают образ ненадёжного посредника – фигуры, которую Х. Бхабха описывал как инструмент укрепления власти центра: колонизатор, объявляя местных лидеров коррумпированными, позиционирует себя единственным гарантом справедливого порядка (Bhabha, 1994: 122). Даже терминология – «туземная администрация», «патриархальный быт» – работает как инструмент символического подчинения, противопоставляя «отсталое» местное и «цивилизованное» имперское (Bhabha, 1994: 40). Таким образом, описанные Паленом бии оказываются не только объектами административной критики, но и элементами дискурсивной конструкции, через которую империя обосновывала своё право на вмешательство.

Во второй части статьи будет проанализировано уездное, городское, областное и краевое управление, где участие казахов в административных должностях было возможно, но не закреплено законодательно, что отражает более ограниченный и неформальный характер их интеграции на этих уровнях.

«Уездное управление. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером графом К. К. Паленым». Данный отчет содержит подробное описание уездов Семиреченской области. Здесь хорошо отражены сведения о территориях, населении уездов и административном штате уездных управлений. При рассмотрении состояния и штата уездных управлений сенатор К. Пален отдельно выделяет работу переводчи-

ков. По его наблюдениям, в Семиреченской области почти все переводчики являются выходцами из местного населения. В их услугах были вынуждены пользоваться уездные управители, так как сами не знали «туземных наречий».

Сенатор Пален, описывая круг обязанностей письменного и словесного переводчика, обращает внимание на то, что в действительности их полномочия иногда могут меняться. Автор утверждает, что бывают случаи, когда письменный переводчик выполняет устные переводы, а словесный переводчик справляет должности других служителей. В качестве примера Пален приводит случаи, когда словесный переводчик в Копальском уезде самостоятельно производил дознания и расследования, а в Верненском уезде даже заведовал делопроизводством по воинскому присутствию (Уездное управление, 1910: 53).

Также в данном отчете Палена автор отмечает, что размер жалования письменного переводчика составляет 800 рублей, а словесного переводчика – 400 рублей в год. В связи с этим, граф К. Пален предлагает приравнять как престиж, так и размер жалования двух видов переводчиков. Кроме того, он считал нужным повысить размер их материального обеспечения, поскольку это могло служить стимулом для замещения должности переводчиков «вполне подходящими лицами» (Уездное управление, 1910: 53).

Здесь обращаем внимание на то, что данный фрагмент отчёта К.К. Палена о работе уездных управлений Семиреченской области позволяет довольно ясно увидеть, как действовали колониальные административные механизмы на практике. На наш взгляд, он особенно интересен в контексте идей Э. Саида о зависимости империи от местных посредников. Как писал Саид, «имперская власть не может осуществляться без знания и использования языка и культуры покорённых народов» (Said, 1993: 45–50). В Семиреченской области эту роль играли переводчики, почти все – выходцы из местного населения. Их задачи нередко выходили за пределы формальных обязанностей. Пален, например, приводит случай, когда словесный переводчик в Копальском уезде вёл дознания, а в Верненском – занимался воинским делопроизводством.

Такое расширение функций хорошо вписывается в концепцию Х. Бхабхи об «амбивалентности колониальных ролей», когда посредник одновременно включён в структуру власти и вносит в неё элементы локальной практики (Bhabha, 1994: 122). Можно сказать, что это сво-

его рода «зона контакта» в терминах М.Л. Пратт, где формируется смешанный административный опыт (Pratt, 1992: 6–10).

Однако при всей значимости переводчиков их положение оставалось подчинённым. Разница в жаловании – 800 рублей в год у письменного и 400 у словесного – явно указывает на иерархию и обесценивание отдельных функций. Ф. Фанон писал, что колониальная администрация охотно использует труд местных кадров, но «не допускает их к полноправному участию в принятии решений» (Fanon, 1963: 180–185). Даже предложение Палена уравнивать престиж и оклады, как представляется, имело не столько цель признать их равными, сколько желание привлечь более «подходящих лиц» и тем самым укрепить контроль. Характерно и его выражение «туземные наречия» – это не просто термин, а часть риторики, которая снижает культурный статус языка подчинённых народов.

Таким образом, в отчёте Палена фигура переводчика предстает двойственной: это и важный инструмент колониального управления, и человек, чьё положение иллюстрирует структурное неравенство, о котором писали Саид, Бхабха и Фанон.

«Городское управление. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером графом К.К. Паленым». В данном отчете подробно представлены города Семиреченской области, их образования и положения, сиротские суды и список старост в уездных городах области. В списке городских старост и их помощников в уездных городах Семиреченской области фигурирует имя А.А. Мухамадиева. Он был помощником городских старост в городе Копал и на этой позиции получал 200 рублей жалования (Городское управление, 1910: 263). К сожалению, в источнике отсутствуют сведения о национальной принадлежности А.А. Мухамадиева, что затрудняет однозначную идентификацию его этнической принадлежности.

В рамках альтернативной гипотезы можно рассмотреть два варианта. Если А.А. Мухамадиев действительно был казахом, то его участие в городском управлении Семиреченской области может свидетельствовать о том, что колониальная администрация допускала ограниченное включение представителей коренного населения в управленческие структуры на уровне города. С позиции постколониальных теорий такое явление можно рассматривать как пример гибридной

идентичности, возникающей в «третьем пространстве» (Bhabha, 1994: 37–41), где местные элиты одновременно участвуют в институтах метрополии и сохраняют связь с собственной культурой. Это участие можно интерпретировать как форму стратегической адаптации, а также как инструмент власти, направленный на символическую легитимацию колониального режима через включение «лояльных Других» (Said, 1978: 5–15). В то же время такая практика могла создавать амбивалентные позиции, в которых награждённые и назначенные лица подвергались одновременно и ассимиляции, и контролю (Bhabha, 1994: 37–45).

Если же А.А. Мухамадиев не был казахом, то данное упоминание не относится к вопросу участия коренного населения в городских администрациях, и, следовательно, этот аспект остаётся открытым для дальнейшего изучения на основе других источников.

«Областное управление. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером графом К.К. Паленым». В отчёте К.К. Палена содержится много полезной информации о Семиреченской области – её территории, населении и устройстве администрации. В документе хорошо описаны основные особенности областного правления, благодаря чему можно получить общее представление о работе этой важной власти. Однако, несмотря на эти данные, в отчёте сравнительно мало информации о самом местном управлении и о том, как оно функционировало на практике. Это затрудняет полноценный анализ того, какую роль играло местное население в управлении на областном уровне. Поэтому, несмотря на ценность отчёта, для глубокого понимания механизмов местной власти нужно обращаться к дополнительным источникам и материалам.

Следовательно, здесь для нас представляет интерес только сведение о штате служащих областного органа власти, где мы можем найти информации о количестве казахов-чиновников. Так, по сообщению Палена, в областном правлении Семиреченской области на момент ревизий работали всего 36 чиновников, среди которых были только два казаха. Они оба были переводчиками (Областное управление, 1910: 110). Это показывает, насколько ограниченно коренное население было представлено во власти: в основном им отводились второстепенные, вспомогательные роли. С точки зрения постколониальных

теорий, такая ситуация – классический пример колониальной иерархии, где местные жители остаются «на периферии» реальной власти. Роль переводчиков здесь особенно символична – они становятся мостом между двумя мирами, но при этом не имеют настоящего влияния, оставаясь под контролем колониальной администрации. Это похоже на то, что описывал Хоми Бхабха – «третье пространство», где люди живут между культурами, но в условиях неравенства (Bhabha, 1994: 37–41). Кроме того, по Саиду, колониальная система сознательно создаёт образ «покорного Другого», ограничивая права и возможности коренных жителей (Said, 1978: 5–15). И, наконец, взгляд Мишеля Фуко помогает понять, как именно через такую организацию власти колониальная администрация закрепляла контроль и управляла обществом. Так что даже цифры и должности в этом отчёте – это не просто сухая статистика, а ключ к пониманию сложных механизмов колониального господства (Foucault, 1977: 135–170).

«Краевое управление. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером графом К.К. Паленым». В данном отчете К. Пален обращает основное внимание на деятельность канцелярии Туркестанского генерал-губернатора в регионе. Описывает динамику изменений позиций отдельных генерал-губернаторов по отношению к областному, уездному управлению и «туземной» администрации. Детально рассматривает особенностей изданных приказов и циркуляров, в которых поднимались вопросы по «туземным» чиновникам. Среди таких проблем автор отчета особо отмечает две проблемы: 1) неудовлетворение регионального начальника ходатайства уездных начальников о замене выборного начала местного населения просто назначением на должности; 2) нежелание или низкий уровень владения русскими чиновниками местных языков, в результате краевое управление зависимо от местных посредников.

В отчётах К.К. Палена подробно описывается процесс внедрения в управление Туркестанской области принципов, характерных для всей Российской империи. Речь идёт о таких уровнях, как краевое, областное (губернское), уездное и участковое (приставское) управление (Краевое управление, 1910: 96). При этом, хотя местные жители формально могли сохранять какую-то долю самоуправления, на практике всё их влия-

ние было жёстко ограничено под контролем имперских органов власти.

Если посмотреть с постколониальной точки зрения, то подобный механизм – это классический пример того, как колониальные власти формируют систему управления, которая лишь внешне учитывает традиционные формы власти, но на деле подчинила их себе. Хоми Бхабха называл такие структуры «гибридными»: они сохраняют видимость местного самоуправления, но остаются полностью подчинёнными империи (Bhabha, 1994: 37–45).

Таким образом, несмотря на видимость самостоятельности, местные чиновники фактически функционировали как инструменты колониального контроля. Это лишало коренное население реального влияния и политической независимости.

Также, в данном отчете К.К. Пален подробно описывает систему поощрений лиц из «туземной» администрации. По сообщению, что «Генерал-губернатору предоставлено право награждать медалями с надписью «За усердие» – большими серебряными (шейными) и малыми золотыми и серебряными (нагрудными) – до 50 человек туземцев в год; награды сверх этой нормы, а также награды большими золотыми медалями производятся в общеустановленном порядке через Военного министра. Сроки для награждения туземцев не установлены, хотя, как правило, они приурочиваются ко дню Пасхи и 6 декабря. Кроме того, генерал-губернатор вправе награждать туземцев почётными халатами I, II и III разрядов и похвальными листами» (Краевое управление, 1910: 171).

Здесь, очевидно, что право генерал-губернатора награждать «туземцев» медалями и почётными халатами было не просто формальностью – это был важный инструмент власти. Через такие награды создавалась небольшая группа «лояльных» представителей местного населения, которые должны были служить примером для остальных. Квота на количество награждённых не позволяла этому кругу слишком расширяться. Как писал Эдуард Саид, подобные практики помогали империи формировать образ «покорного Другого» – удобного и безопасного для правящей элиты (Said, 1978: 5–15).

Различия в металле медалей и разрядах халатов явно показывали, кто в этой системе стоит выше, а кто ниже. Награждения приурочивали к важным православным датам, чтобы встроить местных жителей в имперский календарь

(Cannadine, 2001: 120–135). Особенно показателен выбор 6 декабря – дня святого Николая, который в армии считался покровителем и ассоциировался с культом монарха (Кириллов, 2003). С точки зрения Мишеля Фуко, это был способ мягко управлять людьми: через награды задавались правила желательного поведения и побуждение к самоконтролю (Foucault, 1977: 135–170).

Как отмечает Хоми Бхабха, в таких ситуациях у награждённых формировалась двойственная идентичность – они оставались частью своей культуры, но участвовали в ритуалах империи. Эта двойственность могла работать на укрепление власти метрополии, но иногда становилась источником скрытого сопротивления, когда символы наград переосмысливались в локальном контексте (Bhabha, 1994: 37–50). Таким образом, система награждений одновременно объединяла, дисциплинировала и ассимилировала, оставаясь глубоко встроенной в механизмы колониального контроля.

Заключение

Когда мы смотрим на управление в Семиреченской области начала XX века, становится ясно, что это была не просто сухая бюрократия – это была сложная система отношений между империей и местным населением. Казахи, хоть и могли занимать некоторые должности, на самом деле часто оставались в тени реальной власти. Они были вроде бы частью колониальной машины, но при этом не могли полностью контролировать свою судьбу и сохранить свою культуру без вмешательства извне.

Постколониальные теории помогают нам понять, что такие практики – это не просто административные формальности. Это механизмы контроля и символической власти, которые помогали империи сохранять своё господство, создавая образ «покорного Другого» – того, кто вроде бы и включён в систему, но остаётся подчинённым. При этом те, кто работал на местах – чиновники, старшины, переводчики – находились в непростой ситуации: с одной стороны, им приходилось играть по правилам колониальной власти, с другой – они сохраняли связь с собственными традициями и культурой. Это создаёт то, что Хоми Бхабха называл «третьим пространством», где смешиваются разные миры и идентичности.

Особенно интересна роль переводчиков – они были мостом между двумя мирами, но при

этом почти всегда зависимы и не имели реальной власти. Это хорошо согласуется с идеями Мишеля Фуко о том, как власть работает через различные институты и нормы, формируя поведение людей и поддерживая существующий порядок.

Когда мы читаем отчёты Палена, становится понятно, что обвинения в «коррупции» и «неправильном управлении» местных властей – это не просто объективная критика, а часть колониального дискурса. Такой подход оправдывал вмешательство метрополии и ограничивал возможности коренного населения управлять самостоятельно. Как писала Гаятри Спивак, колониальная власть часто «говорит за» тех, кто подчинён, лишая их голоса и права самим определять свою жизнь.

При этом важно помнить, что отчёты Палена, будучи продуктом колониальной администрации, отражают лишь одностороннюю точку зрения – точку зрения метрополии, с её интересами и предвзятостями. Поэтому рассмотрение этих источников с позиции постколониальных теорий даёт возможность глубже понять скрытые меха-

низмы власти и идеологии. Вместе с тем не следует слишком увлекаться лишь постколониальной интерпретацией, игнорируя исторический контекст и объективные данные, содержащиеся в самих отчётах. Только сбалансированный подход позволит нам получить наиболее полное и честное представление о прошлом Семиреченской области.

В итоге, система управления в Семиреченской области – это не просто административная структура, а целый сложный мир власти, культурных пересечений и противоречий. Постколониальный взгляд помогает увидеть за цифрами и документами живых людей с их надеждами, сложностями и борьбой. Понимание этого прошлого важно для нас сегодня, чтобы честно смотреть на историю и учиться строить более справедливое общество.

Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования научно-технической программы ИРН BR27195163 «Архитектоника трансформации организационной культуры государственной службы Казахстана».

Литература

- Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. (2002). *The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literatures*. London: Routledge. 354 p.
- Bhabha H. (1994). *The Location of Culture*. London: Routledge. 285 p.
- Cannadine D. (2001). *Ornamentalism: How the British Saw Their Empire*. Oxford: Oxford University Press. 400 p.
- Fanon F. (1963). *Les Damnés de la Terre [The Wretched of the Earth]*. New York: Grove Press. 255 p.
- Foucault M. (1977). *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. New York: Pantheon Books. 333 p.
- Mann M. (2012). *Colonialism and Imperialism, 1450–1950*. Cambridge: Cambridge University Press. 392 p.
- Morrison A. (2012). “Sowing the Seed of National Strife in This Alien Region”: The Pahlen Report and Pereselenie in Turkestan, 1908–1910. *Acta Slavica Iaponica*, Vol. 31, pp. 1–29.
- Morrison A. (2013). “The Pahlen Commission and the Re-Establishment of Rectitude in Transcaspia, 1908–1909.” *Monde(s)*, Vol. 4, No. 2, pp. 45–65.
- Pratt M.L. (1992). *Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation*. London: Routledge. 256 p.
- Said E.W. (1978). *Orientalism*. New York: Pantheon Books. 383 p.
- Said E.W. (1993). *Culture and Imperialism*. New York: Alfred A. Knopf. 476 p.
- Spivak G.C. (1988). Can the Subaltern Speak? // In: Nelson, Cary & Grossberg, Lawrence (eds.). *Marxism and the Interpretation of Culture*. Urbana: University of Illinois Press. Pp. 271–313.
- Городское управление. (1910). Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом. Областное управление. СПб. 483 с.
- Каримова К.О. (2019). К.К. Пален об административном устройстве (на примере Ходжентского уезда). *Вестник Педагогического университета*. №3 (80). С. 234–238.
- Кириллов А.А. (2003). *Куль святых в российской армии XVIII–XIX веков*. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ. 248 с.
- Краевое управление. (1910). Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом. Областное управление. СПб. 137 с.
- Махмудова Н.Б. (2016). Сенаторская ревизия графа К.К. Палена в Туркестане: причины, ход, последствия. *Метаморфозы истории*. №7. С. 134–150.
- Махмудова Н.Б. (2017). «Особое высочайшее наставление» и «Высочайше утверждённая инструкция» для сенаторской ревизии К.К. Палена: историко-источниковедческий обзор. *Метаморфозы истории*. №10. С. 255–265.
- Махмудова Н.Б. (2019). Историко-источниковедческий обзор отчетов ревизии сенатора К. К. Палена. *Метаморфозы истории*. №13. С. 125–150.

Народные суды. (1910). Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом. Областное управление. СПб. 268 с.

Областное управление. (1910). Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом. Областное управление. СПб. 353 с.

Сельское управление. (1910). Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом. Областное управление. СПб. 226 с.

Уездное управление. (1910). Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом. Областное управление. СПб. 168 с.

References

Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. (2002). *The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literatures*. London: Routledge. 354 p.

Bhabha H. (1994). *The Location of Culture*. London: Routledge. 285 p.

Cannadine D. (2001). *Ornamentalism: How the British Saw Their Empire*. Oxford: Oxford University Press. 400 p.

Fanon F. (1963). *Les Damnés de la Terre [The Wretched of the Earth]*. New York: Grove Press. 255 p.

Foucault M. (1977). *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. New York: Pantheon Books. 333 p.

Gorodskoe upravlenie. (1910). Otchet po revizii Turkestanskogo kraja, proizvedennoy po Vysochaysheму poveleniyu Senatorom Gofmeysterom Grafom K.K. Palenom. Oblastnoe upravlenie. [Urban Administration. Report on the Revision of Turkestan Region carried out by the Highest Order of Senator Hofmeister Count K.K. Palen]. SPb. 483 s.

Karimova K.O. (2019). K.K. Palen ob administrativnom ustroystve (na primere Khodzhet'skogo uyezda) [K.K. Palen on Administrative Structure (on the example of Khodzhet County)]. *Vestnik Pedagogicheskogo universiteta*. №3 (80). S. 234–238.

Kirillov A.A. (2003). *Kult svyatykh v rossiyskoy armii XVIII–XIX vekov [The Cult of Saints in the Russian Army of the 18th–19th Centuries]*. Sankt-Peterburg: Izd-vo SPbGU. 248 s.

Kraevoye upravlenie. (1910). Otchet po revizii Turkestanskogo kraja, proizvedennoy po Vysochaysheму poveleniyu Senatorom Gofmeysterom Grafom K.K. Palenom. Oblastnoe upravlenie. [Regional Administration. Report on the Revision of Turkestan Region carried out by the Highest Order of Senator Hofmeister Count K.K. Palen]. SPb. 137 s.

Makhmudova N.B. (2016). Senator-skaya reviziya grafa K.K. Palena v Turkestane: prichiny, khod, posledstviya [Senatorial Revision of Count K.K. Palen in Turkestan: Causes, Course, Consequences]. *Metamorphozy istorii*. №7. S. 134–150.

Makhmudova N.B. (2017). «Osoboe vysochaysheye nastavlenie» i «Vysochayshe utverzhennaya instruktsiya» dlya senator-skoy revizii K.K. Palena: istoriko-istochnikovedcheskiy obzor [“Special Highest Instruction” and “Highest Approved Instruction” for the Senatorial Revision of K.K. Palen: Historical and Source Study Review]. *Metamorphozy istorii*. №10. S. 255–265.

Makhmudova N.B. (2019). Istoriko-istochnikovedcheskiy obzor otchetov revizii senatora K.K. Palena [Historical and Source Study Review of the Reports of Senator K.K. Palen's Revision]. *Metamorphozy istorii*. №13. S. 125–150.

Mann M. (2012). *Colonialism and Imperialism, 1450–1950*. Cambridge: Cambridge University Press. 392 p.

Morrison A. (2012). “Sowing the Seed of National Strife in This Alien Region”: The Pahlen Report and Pereselenie in Turkestan, 1908–1910. *Acta Slavica Iaponica*, Vol. 31, pp. 1–29.

Morrison A. (2013). “The Pahlen Commission and the Re-Establishment of Rectitude in Transcaspia, 1908–1909.” *Monde(s)*, Vol. 4, No. 2, pp. 45–65.

Narodnye sudy. (1910). Otchet po revizii Turkestanskogo kraja, proizvedennoy po Vysochaysheму poveleniyu Senatorom Gofmeysterom Grafom K.K. Palenom. Oblastnoe upravlenie. [People's Courts. Report on the Revision of Turkestan Region carried out by the Highest Order of Senator Hofmeister Count K.K. Palen]. SPb. 268 s.

Oblastnoe upravlenie. (1910). Otchet po revizii Turkestanskogo kraja, proizvedennoy po Vysochaysheму poveleniyu Senatorom Gofmeysterom Grafom K.K. Palenom. Oblastnoe upravlenie. [Provincial Administration. Report on the Revision of Turkestan Region carried out by the Highest Order of Senator Hofmeister Count K.K. Palen]. SPb. 353 s.

Pratt M.L. (1992). *Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation*. London: Routledge. 256 p.

Said E.W. (1978). *Orientalism*. New York: Pantheon Books. 383 p.

Said E.W. (1993). *Culture and Imperialism*. New York: Alfred A. Knopf. 476 p.

Selskoe upravlenie. (1910). Otchet po revizii Turkestanskogo kraja, proizvedennoy po Vysochaysheму poveleniyu Senatorom Gofmeysterom Grafom K.K. Palenom. Oblastnoe upravlenie. [Rural Administration. Report on the Revision of Turkestan Region carried out by the Highest Order of Senator Hofmeister Count K.K. Palen]. SPb. 226 s.

Spivak G.C. (1988). Can the Subaltern Speak? // In: Nelson, Cary & Grossberg, Lawrence (eds.). *Marxism and the Interpretation of Culture*. Urbana: University of Illinois Press. Pp. 271–313.

Uezdnoe upravlenie. (1910). Otchet po revizii Turkestanskogo kraja, proizvedennoy po Vysochaysheму poveleniyu Senatorom Gofmeysterom Grafom K.K. Palenom. Oblastnoe upravlenie. [District Administration. Report on the Revision of Turkestan Region carried out by the Highest Order of Senator Hofmeister Count K.K. Palen]. SPb. 168 s.

Сведения об авторе:

Абдрахим Мирас Еркінұлы – PhD, преподаватель-лектор кафедры истории и социально-гуманитарных дисциплин гуманитарного факультета Жетысуского университета имени И. Жансугурова (Талдықорган, Казахстан, e-mail: abdrakhim_91@mail.ru).

Information about author:

Abdrakhim Miras – PhD, Lecturer of the Department of History and Social-Humanitarian Disciplines, Faculty of Humanities, Zhetysu University named after I. Zhansugurov, Taldykorgan, Kazakhstan. E-mail: abdrakhim_91@mail.ru

Автор туралы мәлімет:

Абдрахим Мирас Еркінұлы – PhD, I. Жансүгіров атындағы Жетісу университеті Гуманитарлық факультеті Тарих және әлеуметтік-гуманитарлық пәндер кафедрасының оқытушы-дәріскері, Талдықорған қ., Қазақстан. E-mail: abdrakhim_91@mail.ru

Поступило: 10.08.2025

Принято: 28.08.2025